

Богданова О. В. Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 284—299. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-284-299.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). Nostalgic Overtones in “The Autumn Cry of the Hawk” by I. Brodsky. *Nauchnyi dialog*, 11(4): 284-299. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-284-299. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-284-299

Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук,
профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-01671
(Русская христианская
гуманитарная академия)

Nostalgic Overtones in “The Autumn Cry of the Hawk” by I. Brodsky

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-28-01671
(Russian Christian Academy
for the Humanities)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предложен новый ракурс интерпретации стихотворения И. Бродского «Осенний крик ястреба» (1975). Если традиционно текст рассматривается как реализация темы «поэт и толпа», то в работе выделяются ностальгические мотивы «осеннего крика». Показано, что первые годы эмиграции формировали в сознании Бродского некие вехи, требовавшие «промежуточных» итогов, и год 1975-й, третий год эмиграции, актуализировал в сознании поэта мотивы «родного гнезда». Однако в отличие от привычных ракурсов тоски по родине мироощущение героя-птицы Бродского перерастает пределы ностальгического чувства, но обретает черты онтологического мифа о законах существования Вселенной. Мотивы судьбы индивида, свободы / несвободы личности заслоняют в тексте Бродского мотивы тоски по родине, однако последние не исчезают бесследно, но маркируются рядом «американских» и «русских» деталей, образов, словоформ. Множественность географических топонимов (Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде), избыточность знаков «чужой» реальности (13 американских штатов, «английская» речь) позволяют эксплицировать незримый контраст «свое ↔ чужое», усиленный антитезами «верх / низ», «теплота / лед-холод», «Север / Юг». Отчетливая сюжетность стихотворения (полет ястреба к родным местам) оказывается важным смысловым антуражем, усиливающим глубину поэтического восприятия.

Ключевые слова:

И. А. Бродский; Осенний крик ястреба; интертекст; образная система; ностальгический подтекст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article offers a new perspective of the interpretation of the poem by I. Brodsky “The Autumn cry of a hawk” (1975). If the text is traditionally considered as the realization of the theme “the poet and the crowd”, then the nostalgic motifs of “the autumn cry” are highlighted in the work. It is shown that the first years of emigration formed certain milestones in Brodsky’s mind that required “intermediate” results, and the year 1975, the third year of emigration, actualized the motives of the “native nest” in the poet’s mind. However, unlike the usual angles of homesickness, the worldview of the hero-bird Brodsky outgrows the limits of nostalgic feeling, but acquires the features of an ontological myth about the laws of the existence of the Universe. The motives of the individual’s fate, freedom / lack of freedom of the individual obscure the motives of homesickness in Brodsky’s text, but the latter do not disappear without a trace, but are marked with a number of “American” and “Russian” details, images, word forms. The multiplicity of geographical toponyms (Connecticut, New England, Rio Grande), the redundancy of signs of “alien” reality (13 American states, “English” speech) allow us to explicate the invisible contrast “your own and others’”, reinforced by the antitheses “up / down”, “heat / ice”, “North / South”. The distinct plot of the poem (the flight of a hawk to his native places) turns out to be an important semantic entourage that enhances the depth of poetic perception.

Key words:

I. Brodsky; The Autumn cry of a hawk; intertext; figurative system; nostalgic subtext.

Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

Стихотворение Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» было написано в 1975 году, когда поэт уже три года находился в Америке, в эмиграции, в то время жил в Массачусетсе. Возникает вопрос: какие интертекстуальные пласты вбирала в себя поэзия Бродского на этом этапе, что составляло концептуальный подтекст его лирических произведений, на какие претексты опирался в своем творчестве поэт? К этим или сопоставимым с ними по смыслу вопросам уже многократно обращалась критика, о стихотворении «Осенний крик ястреба» написана обширная научно-критическая литература, многочисленная и разнообразная в том числе и потому, что стихотворение по праву считается одним из лучших поэтических творений Бродского. Неслучайно Я. Гордин признавался: «Очень люблю “Осенний крик ястреба”» [Гордин, 2010, с. 195]. С точки зрения критика и друга, «в “Осеннем крике ястреба” он <Бродский> скорбно завершил историю птицы-души, начатую двенадцать лет назад. Птица, взлетевшая в эмпирию, охватившая взглядом всю землю и погибшая от избытка высоты (то, что казалось “Выше Бога”, оказалось выше жизни), продолжение и финал птицы-души из “Большой элегии Джону Донну”» [Гордин, 2005, с. 53].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Говоря об «Осеннем крике ястреба», как правило, критика выдвигает на первый план тему поэта и поэзии, тему творчества, тему судьбы поэта. По мысли У. Уодсворта, по стихотворению «Осенний крик ястреба» «можно составить себе представление о видении Иосифом возвышенного: в вербальном полете поэт поднимается на такую высоту, где едва хватает воздуха, но оттуда вид — “горизонт” — так высок и широк, так божествен, как только возможно» [Уодсворт, 2006, с. 435]. Именно в этом поэтологическом контексте в основном и выявляются интертекстуальные пласты стихотворения «Осенний крик ястреба». Неслучайно суждение Л. Лосева о различных интертекстах стихотворения Бродского связано преимущественно с этим аспектом: «“Осенний крик ястреба” обязан и мифу об Икаре, и оде Горация “К Меценату”, и “Царскосельскому лебедю” Жуковского, и, конечно, “Орлу” Гумилева, и даже, может быть, “Песне о Соколе” Горького» [Лосев, 2006, с. 61].

По наблюдениям специалистов-бродсковедов, первым на интертекстуальные пласты стихотворения «Осенний крик ястреба» обратил внимание поэт А. Найман, напрямую связав его с «Осенью» Евгения Баратынского. В интервью конца 1980-х годов Найман признавался: «Мне кажется, что в нашей молодости для нас, во всяком случае для него <Бродского> и для меня, особняком стояли стихи Баратынского “Осень”. Это вершина русской поэзии, которую ты всегда чувствуешь и звук которой определяет вообще весь шум мироздания. <...> Я думаю, что стихи “Осенний крик ястреба” — это вариация на тему “Осени” и версия “Осени” Баратынского» [Найман, 2006, с. 35].

К интертексту Баратынского обратился впоследствии исследователь И. А. Пильщиков, который, зная об увлечении Бродского поэзией Баратынского, указал на тематическую связь стихотворений современного поэта с лирикой русского классика и, в частности, наметил некоторые мотивно-тематические переключки «Осеннего крика ястреба» с «Осенью» и «Неденоксом» Баратынского [Pilshikov, 1993]. По мысли Пильщикова, в «осенних» текстах поэтов совпадают векторы как временной (осень → зима), так и пространственной (пейзажные перспективы), аккумуляция которых усиливается подобием сдерживаемого крика отчаяния лирического героя Баратынского («негодования крик», «воплъ тоски великой», «вполне торжественный и дикой») и прощального крика ястреба Бродского («пронзительный резкий крик») [Pilshikov, 1993, с. 221—223].

В монографии «”На пиру Мнемозины”»: интертексты Иосифа Бродского» исследователь А. Ранчин углубил параллели «Осеннего крика ястреба» к русской классике и через «Осень» Баратынского связал «Осенний крик...» с «Осенью» А. Пушкина, приняв за интенциональную связь стремление «к высшему бытию, символизируемому подъемом к небу» [Ранчин, 2001]. В целом Ранчин привычно интерпретировал «Осенний крик ястреба» как метафоризованную историю судьбы поэта, его прихода в мир и служения, поставил стихотворение в контекст проблематики «поэт и поэзия» и наряду с Баратынским и Пушкиным ввел в контекст претекстов Бродского стихотворение Г. Р. Державина «Лебедь» с развитой в нем поэтической идиоматикой Горация (как «образцового» предшественника классициста Державина). В обращении к литературе XX века Ранчин наметил точки взаимодействия лирической темы о предназначении поэта у Бродского с мотивикой стихотворений А. Блока, С. Есенина, В. Ходасевича и др.

Подобный ряд интертекстуальных наблюдений-переключек можно множить. Между тем, на наш взгляд, прав А. Долинин, который отметил, что принять такого рода обширные и разнесенные во времени сопоставления можно только при условии «очень высокого уровня абстракции» [До-

линин, 2005, с. 277]. По мнению исследователя, расширительно толкуемые мотивы, «по сути дела, являются общими местами или топосами всей мировой поэзии: осеннее умирание, смерть поэта, полет ввысь, падение с неба» [Долинин, 2005, с. 277]. По Долинину, «главный изъян сопоставлений такого рода состоит в том, что они игнорируют поэтический слог, образную систему, сюжет, даже главное событие *ОКЯ*, названное в заглавии, — отчаянный предсмертный крик птицы, замерзающей в безвоздушном пространстве» [Долинин, 2005, с. 277—278].

В свою очередь А. Долинин обновил ряд интертекстуальных проекций, среди которых оказались стихи Э. Багрицкого («Тиль Уленшпигель»), Н. Заболоцкого («Осень», «Храмгэс», «Север»), О. Мандельштама («Стихи о неизвестном солдате»), У. Х. Одена («В музее изящных искусств») и др. Но наиболее убедительно в качестве претекста «Осеннего крика ястреба» в работе Долинина представлен «Орел» Н. Гумилева с характерным для стиха образами «небес-могилы» и «птицы-поэта». По мысли ученого, «стихотворение Гумилева — это, по-видимому, единственный текст, где метафора “воздушной могилы” непосредственно реализована в сюжете, и потому оно <...> должно рассматриваться и как <...> очевидный претекст *ОКЯ*» [Долинин, 2005, с. 282]. По Долинину, «переключка сюжетобразующих мотивов у Гумилева и Бродского самоочевидна: в обоих текстах хищная птица одного и того же семейства залетает в такую высь — в звездные преддверья или в “астрономически объективный ад / птиц, где отсутствует кислород, / где вместо проса — крупа далеких звезд”, — откуда уже нельзя вернуться назад; и орел, и ястреб погибают от недостатка кислорода и от холода, но, и мертвые, продолжают полет, по романтической версии Гумилева, — вне времени и пространства, над конечными мирами, среди звезд, “в великолепной могиле” вечности, а по натурфилософской версии Бродского, — как недолговечный снежный прах, как частица мирового природного круговращения» [Долинин, 2005, с. 282].

Каждое из приведенных суждений критиков по-своему убедительно и основательно, каждое имеет видимые истоки и резоны. Однако, с нашей точки зрения, все они слишком прямо и чрезмерно однозначно ориентированы на тему поэта и поэзии. Однажды выдвинутое (по-своему традиционное и даже банальное) суждение о параллели судьбы поэта и птицы стало восприниматься аксиоматично, хотя, на наш взгляд, стихотворение Бродского таит в себе и совершенно иные проблемные интенции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Истоки образности «Осеннего крика ястреба»

Друзья поэта давно указали на то обстоятельство, что рождение «Осеннего крика ястреба» (отчасти) было связано у Бродского с событиями био-

графического плана, в частности, с «“карьерой” летчика». В. Полухина напрямую спрашивала в интервью Л. Лосева: «Вам не кажется, что без этого опыта он не написал бы свое послание человечеству “Крик осеннего ястреба”?» [Полухина, 2006б, с. 61]. И Лосев вспоминал, что Бродский действительно в юности увлекался идеей пилотирования, а в Энн Арборе даже «взял несколько уроков» [Лосев, 2006, с. 61]. Потому, по мысли Лосева, «очень может быть, что взгляд с высоты — из опыта полетов» [Лосев, 2006, с. 61]. При этом тут же справедливо добавлял, что «не в меньшей степени» стихотворение обязано и своим литературным претекстам.

В документальном фильме «Бродский не поэт» (2015) об опыте пилота рассказывает сам Бродский. «Когда я пролетал над всем этим, я смотрел вниз на эти поля, цветные поля, эти квадраты, и т. д., и т. д., и т. д., я думал: что ж... тебе следует приглядеться получше, потому что здесь ты можешь закончить свои дни. Здесь ты можешь умереть...» [Белов, 2015].

Примечательно, что, будучи в Энн Арборе, Бродский, кажется, только что вырвался «на свободу», оказался в свободных штатах Америки, избавился от преследований КГБ, теперь — парил в воздухе, однако мысли, которые спровоцировал в нем «взгляд сверху», оказались напрямую связанными с представлениями о смерти, очень родственными тому, как эти мотивы репрезентированы в «Осеннем крике ястреба». Казалось бы, матричная модель поэтического текста, связанного с образами птицы и высокого неба, вполне традиционна и очевидна — это символика простора и свободы, высоты и бесконечности беспредельного неба, подчеркнутого (личностного = поэтического) одиночества. Кажется, общекультурный архетипический код эксплицирован: поэт и толпа — именно по этому «знакомому» пути и пошла критика в интерпретации стихотворения. Между тем в тексте Бродского присутствуют и иные маркеры — маркеры иной проблемно-тематической сферы.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в навсквозь символичной и метафоричной поэзии Бродского, как правило, элиминирующей конкретику, гасящей точность и категоричность, слишком прямолинейно и весьма подчеркнуто — трижды — названы топографические реалии: Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде. Столь очевидные географические маркеры даже позволили А. Ранчину «вскользь» квалифицировать стихотворение Бродского как американское: «Античные философские коннотации этого “американского” стихотворения обнажены в обыгрывании “общего места” греческой мысли — определения: “человек есть бесперое двуногое”» [Ранчин, 2001, с. 266]. Не останавливаясь на сути высказывания критика, обратим внимание, что Ранчин берет в кавычки определение «американский» и не вкладывает в него особого смысла, но использует (скорее всего) как знак американского периода в творчестве

Бродского и / или как отражение множественности американских топонимов в пределах небольшого поэтического текста. Между тем, с нашей точки зрения, именно эти «американские координаты» и важны для акцентуации другого (ранее не рассматриваемого) концептуального смысла стихотворения «Осенний крик ястреба».

Итак, к осени 1975 года Бродский уже три года находился в эмиграции, вне родины. Надо полагать, что мысли об оставленной стране и связи с ней были еще очень сильны и весьма болезненны. Неизбежность подведения некоторых «промежуточных» итогов, связанных с новыми датами-рубежами, была закономерна. Потому в 1975 году — на третий год эмиграции — в творчестве поэта появляются стихи, адресованные к оставленному позади — к М. Б., к сыну («Колыбельная Трескового мыса») и др. Двумя годами позже появится «Пятая годовщина (4 июня 1977)», маркированная днем вылета из ленинградского аэропорта «Пулково», — можно предположить, что и в 1975 году у поэта рождались мысли о «третьей» и последующих очередных годовщинах оставления родины.

Однако в условиях «публичной» эмиграции написать стихотворение в ностальгическом ключе было бы для Бродского невозможно. Поэт и так испытывал чувство «стыда» перед новыми соотечественниками: в разговоре с Э. Проффер он признавался, что испытывает «чувство вины» перед Америкой и американцами, так сердечно и щедро приютившими его, так как, в его понимании, он не оправдывает их доброжелательства и гостеприимства, не готов «играть в политические игры» [Белов, 2015]. Бродский оставался вне политики, вне поэтических деклараций, вне публичного о(б)суждения покинутой родины. Другими словами — написать стихотворение, в котором бы поэт открыто выразил чувства тоски по родине, было в условиях регламента американской эмиграции недопустимо. Но, по нашим представлениям, именно эти мотивы — в растворенном, сублимированном виде — и получили отражение в тексте «Осеннего крика ястреба».

На наш взгляд, весьма точно относительно рассматриваемого стихотворения выразился Я. Гордин: «В 1975 году <...> Иосиф Бродский в одном из наиболее выразительных своих стихотворений “Осенний крик ястреба” с обычной для него в то время горькой трезвостью объяснил высокую катастрофичность своего пути» [Гордин, 2010, с. 197]. Обратим внимание, Гордин говорит не о пути поэта, но о *его (своем)* пути, то есть о личном, человеческом. Как нам представляется, именно этот ракурс и составляет ту семантическую грань стихотворения, которая прежде не была затронута исследователями.

Л. Лосев однажды поведал историю о восприятии «Осеннего крика ястреба» специалистом: «...я как-то прочитал это стихотворение ученому-орнитологу и услышал, что с точки зрения науки там все невероятно, чи-

стая выдумка», и тут же добавил: «Стихи гениальные» [Лосев, 2006, с. 61]. Думается, что не нужно быть специалистом-орнитологом, чтобы понять, что стихи Бродского — в научном плане — «чистая выдумка». Однако тем любопытнее понять смысл «выдуманной» трагедии-метаморфозы, произошедшей с героем-ястребом.

3.2. Особенности поэтики «Осеннего крика ястреба»

Обращает на себя внимание сюжетность (по сути — балладная сюжетность) стихотворения, где герой-ястреб поднимается ввысь, чтобы преодолеть воздушное пространство и достичь те далекие места, где в пышных лесах, в «распаренной толпе буков» [Бродский, 1998, с. 103] скрылось его родное гнездо, в котором он помнит каждую мелочь — «разбитую скорлупу / в алую крапинку», запахи, «тени / брата или сестры» [Бродский, 1998, с. 103]. В отличие от «людских» координат, вектор пути ястреба не определен с топографической точностью, но противопоставление «здесь» и «там» акцентировано контрастной парой Север ↔ Юг, которые выделены (позиционно и графически) в тексте стихотворения: ястреб с Севера путь «держ<ит> на Юг» [Бродский, 1998, с. 103], из Новой Англии «в дельту» «к Рио-Гранде» [Бродский, 1998, с. 103], с чужбины — в родные места. Фабульная линия полета птицы не прорисована акцентированно (пристально и выразительно), но она остается устойчивым фоном всего сюжетного повествования: полет птицы имеет определенно означенную цель — возвращение в родное гнездо. Мотив невозможности возвращения придает наррации трагический оттенок.

Пейзажные картины, открывающие повествование, вводящие в тему, изначально фиксируют трагический абрис предстоящего полета птицы, предвещают трагическую развязку. Образ видимой с высоты реки («серебро реки») предстает в сознании парящего в высоте ястреба в виде «клинка», «сталь» которого блестит «в зазубринах перекатов» [Бродский, 1998, с. 103]. Образ «вьющейся точно живой клинок» [Бродский, 1998, с. 103] реки, блистающей серебром стали среди «бисера городков» [Бродский, 1998, с. 103], вызывает в сознании образ восточного оружия, богато украшенного драгоценностями и пугающего своим грозным предназначением. Сопутствующий пейзажу контраст температур — «упавшие до ноля термометры» и «пожар листьев» [Бродский, 1998, с. 103] — дополняют растущее напряжение, формируемое объективными природными картинами и их субъективным психологизированным восприятием. Трагическое впечатление усиливается образом «распластанного» (как распятого) ястреба, который «парит в голубом океане» «с прижатою к животу плюсною» — «когти в кулак, точно пальцы рук» [Бродский, 1998, с. 103]. «Сжатый кулак» становится еще одним сигналом предстоящей битвы, некоего будущего противостояния.

Еще не сформировались узлы сюжетной конфликтности стихотворения, однако в атмосфере наррации уже концентрируются образы и мотивы борьбы и столкновения, противодействия и преодоления. Ностальгический мотив родного гнезда прирастает мотивом утраченного гнезда, требующего вступления в борьбу за него. Ощущение близящейся опасности подчеркивается сопутствующими образами острых лезвий травы («травы... лезвия остры» [Бродский, 1998, с. 103]), «ножниц» секущего полета птицы («точно ножницами сечет...» [Бродский, 1998, с. 103]). Естественно-природный мир оказывается под угрозой технократических «клинка», «лезвий», «ножниц». «Собственное тепло» [Бродский, 1998, с. 103] сердца и тела птицы противостоит «осенней синеве» ледяного «голубого океана» [Бродский, 1998, с. 103]. Взмолнованно-ускоренный ритм биения сердца птицы сравнивается с «частотою дрожи» [Бродский, 1998, с. 103].

Привычный поэтический (литературный) ракурс восприятия полета птицы, распластанной в небе, наслаждающейся простором и свободой, у Бродского мутирует, трансформируется, действительно превращается в «чистый вымысел», в рамках которого ястреб оказывается вовлеченным в противостояние «воздушному потоку», в полете «чуя каждым пером под дув / снизу» [Бродский, 1998, с. 103].

*Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк* [Бродский, 1998, с. 104].

В преддверии неизбежного столкновения (борьбы) «одинокий» ястреб [Бродский, 1998, с. 103], «одинокая птица» [Бродский, 1998, с. 104] единственный раз в тексте наделяется правом членораздельного голоса, метафорической антропизации, уподобления человеку:

Эк куда меня занесло! [Бродский, 1998, с. 104].

Принятое в тексте объективно-личное повествование неожиданным образом сменяется субъективно-личным, 3-е лицо уступает место 1-му, *он* трансформируется в *я*. В тексте актуализируется точка совмещения образа героя-ястреба и образа лирического героя (в данном случае в большей степени героя-повествователя), птичье и человеческое коррелируют, позволяя на примере судьбы птицы эксплицировать черты судьбы лирического героя, героя-нарратора, alter ego автора. Разговорно-просторечная форма восклицания — «Эк куда...» — допускает сближение образа нарратора сюжетного «балладного» повествования с образом лирического героя «бессюжетной» элегии. Интенции героя-ястреба проецируются на образ лирического героя, фоновый мотив мыслей о родине оказывается включенным в ментальную сферу лирического персонажа.

Сближение образов ястреба и героя-рассказчика пунктуационно подчеркивается эксплуатацией восклицательных знаков, не свойственных треть-личностному повествованию («Его, который еще горяч!» [Бродский, 1998, с. 104]), и междометным эмоционально-разговорным обозначением высоты — «черт те что» [Бродский, 1998, с. 104]. Неактуализированные мысли героя-ястреба, лишенных словесных форм выражения, эксплицируются посредством эмоций-восклицаний героя-повествователя (лирического героя), акцентируя и актуализируя сущностную близость персонажей. Наррация обретает черты несобственно-прямой речи.

Дальнейший нарративный план повествования вслед за возгласом: «Эк куда меня занесло!» [Бродский, 1998, с. 104] — опосредован смешением-совмещением птичьего и человеческого, неразделимости их сущностей, перемежением-диффузией их голосов и сознаний. Даже способ номинации героев-людей и героев-птиц осуществляется в сходной стратегии — посредством субстантивации прилагательных *двуногие* и *пернатые* («Что для двуногих высь, / то для пернатых наоборот» [Бродский, 1998, с. 104–105]). Выделенность героев (ястреба и рассказчика) из мира орнитологического и мира антропологического — одинаково им противостоящих — закрепляется мотивом одиночества персонажей, оказывающихся в положении *между* — между небом и землей, между адом и раем. «Ионосфера» для героев — «астрономически объективный ад»,

*<...> где отсутствует кислород,
где вместо проса — крупа далеких
звезд* [Бродский, 1998, с. 104].

Бродский словно сознательно противопоставляет естественное и искусственное, простое и сложное, научно-аналитичное и природно-чувственное: в итоге — свое и чужое. Примечательно, что в отрицательном сравнении «звёзды // зёрна» поэт рифмически вполне мог бы использовать лексему, обозначающую высококультуривированные сорта злаков / круп — например, рожь или пшеницу, но он выбирает упрощенный зерновой / словесный аналог — просо. И на этом уровне поэтического уподобления позитивный маркер закреплен не за «крупой звезд», но за обыкновенным просом. Кажется, незаметно и ненавязчиво, не броско (пшеница / пшено), но Бродский поэтически точно и детально (по крупичам) дистанцирует мир сегодняшний (мир Новой Англии и Коннектикута) от мира былого, прошлого, мира родного гнезда.

3.3. Кульминация лирического сюжета

Кульминационный момент стихотворного сюжета — предсмертный крик ястреба, «...отчаянный предсмертный крик птицы, замерзающей в безвоздушном пространстве» [Долинин, 2005, с. 278].

Кульминация сюжета:

*Не мозжечком, но в мешочках легких
он догадывается: не спастись.*

И тогда он кричит [Бродский, 1998, с. 105]

— опирается на то же противопоставление: живое и мертвое, теплое и ледяное, природное и механическое.

*Из согнутого, как крюк,
клюва <...>*

*вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический...* [Бродский, 1998, с. 105].

Образы ранее промелькнувших острых клинка, лезвия, ножниц находят свою реализацию:

<...> И мир на миг

как бы вздрагивает от пореза [Бродский, 1998, с. 105]

— дрожь сердца птицы передается вздрагивающему телу мира.

Героя-ястреба настигает смерть:

*И в кружеве этом, <...>,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,*

*опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин* [Бродский, 1998, с. 105].

Герой-птица замерзает, превращаясь в отливающий ультрамарином, синевой, серебром кусок льда, сгусток мороза, инея — обращаясь в стекло (хрусталь), алмаз, заледеневшую каплю слезы.

Смерть героя-ястреба, несомненно, трагична. Особенно на фоне того, что искомая цель — родное гнездо — не достигнута. Невозможность ориентира, невозможность преодолеть силу «воздушного потока», сбивающего героя с его пути и удерживающего «в бесцветной ледяной глади» [Бродский, 1998, с. 104], трагически маркированы знаками безжизненного холода, ледяной пустоты, неорганического ультрамарина.

По словам Б. Гаспарова, «падение с неба является одним из наиболее распространенных в мировой литературе поэтико-мифологических образов гибели. В нем переплетаются черты романтико-индивидуалистической героики и вселенские эсхатологические мотивы; взлет в небо и падение-сгорание является в одно и то же время и сугубо индивидуалистическим действием-вызовом, отделяющим романтического героя от всего мира, и прообразом вселенской космической катастрофы» [Гаспаров, 1994, с. 215]. Однако в стихотворении Бродского трагизм ухода героя-ястреба отчасти

снимается и отчасти растворяется, преодолевается актом преобразования персонажа, его перевоплощения. Бродский снимает традиционный мотив катастрофичности смерти (которая, как известно, у Бродского никогда не значит просто / только смерть (см. об этом: [Богданова и др., 2022]), но трансформирует мотив — поэт превращает героя в «слезу», в «перл», в «сверкающую» жемчужину [Бродский, 1998, с. 105], в некое подобие звезды («сродни звезде» [Там же]), чтобы не обратиться в ничто, не исчезнуть без следа, но заледенеть в ультрамарине небес до состояния «фамильного хрусталя» [Там же, с. 106], чьи «осколки, однако, не ранят, но тают в ладони» [Там же] снежинками.

Примечательно, что о подобной метаморфозе рассказано в «Истории» Геродота. Геродот упоминает о древней легенде, согласно которой к северу от страны скифов расположены земли, в которых «из-за <...> суровой зимы северные области света необитаемы», воздух их насквозь пронизан «летающими перьями». По предположению Геродота, эти перья — снежные хлопья: «ведь снежные хлопья похожи на перья» и «скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями» [Геродот, 1972, с. 188—189, 194]. Об этой легенде, в связи с «Орлом» Гумилева, вскользь упоминает А. Долинин (в примечании), однако, на наш взгляд, применительно к «Осеннему крику ястреба» история Геродота имеет непосредственное отношение (прямое и косвенное).

Напомним, что в 1972 году перевод «Истории» Геродота вышел в ленинградском отделении издательства «Наука» и был сделан Г. А. Стратановским, ленинградским филологом-классиком, переводчиком с древних языков, отцом Сергея Стратановского, молодого (тогда) поэта, близкого кругу Бродского (СНО филфака ЛГУ, литературный клуб Натальи Грудиной, ЛИТО под руководством Глеба Семенова и др.). Скорее всего, Бродский знал переводы Геродота, сделанные Стратановским, может быть, даже успел познакомиться с ними. В любом случае переводы (и их «рабочие» варианты) могли быть обсуждаемы в кругу ленинградской филологической молодежи, к которой примыкал и Бродский. В эмиграции же история о стране к северу от скифов (А. Блок: «Да, скифы мы...») и о перьях-снежинках подверглись поэтом «реставрации»: древняя легенда Геродота не только получила образно-сюжетное воплощение, но и вместила в себя ретроспективную аллюзию-воспоминание. Абрис геродотовой легенды о снежинках-перьях оказался замкнутым внутри сюжета о возвращении птицы в «родное гнездо».

Трагическое *несвершение* замысленного героем-ястребом возвращения на родину эксплицировано в тексте Бродским, но трагедия происходящего остранена, оторвана, отведена от привычного и обыденного восприятия:

судьба героя-ястреба сводится не к тому, чтобы погибнуть, но реинкарнировать — пролиться слезой, каплей воды (дождя, снега) на землю, совершив некий круговорот в природе. Его смерть включена в систему метемпсихических закономерностей холодной, но гармонизированной Вселенной. Некая иррациональная воля — «воздушный поток» [Бродский, 1998, с. 103] — лишает ястреба возможности воплощения собственного устремления, желания, цели-мечты, но та же надмирная власть реализует высшую законность вселенского порядка. Неслучайно *пестрота оперенья пернатой птицы*, «бывший привольный узор *пера*» [Бродский, 1998, с. 106], в финале стихотворения фонетически отражается (кольцеобразно замыкается) в «*пестрых куртках*» детей, ловящих горстью и пальцами «юркие хлопья» снежинок. В новосотворяемой мифе Бродского воля Вселенной поставлена выше воли индивида, сила «воздушного потока» выше личностного выбора.

3.4. Категория «свое — чужое»: ностальгический подтекст

Однако в плане рассматриваемого нами «отеческого» ракурса весьма примечательна (требует к себе внимания) последняя строка стихотворения, в которой идет речь о том, что детвора выбегает на улицу и — «кричит по-английски: “Зима, зима!”» [Бродский, 1998, с. 106].

Несомненно, появление определительного обстоятельства «по-английски» не случайно в тексте. Чуткий к слову и речи, Бродский с легкостью мог бы заменить это наречие любым другим. Но поэт выводит «по-английски» в последней строке, возвращая читателя-реципиента к, казалось бы, уже «потерянной» в пространстве стиха (и неба), вытесненной из текста трагизмом смерти ястреба мысли о родном гнезде.

В контексте топонимов Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде (река на южной границе США) Бродскому не было нужды уточнять, что дети кричат по-английски — эта реалья могла быть единственно допустимой в тексте. Однако Бродский уточняет языковой ареал с точки зрения лирического героя (= повествователя-рассказчика), для которого, по всей видимости, английский не является родным. Внимание к природе языка, к его национальной атрибуции становится знаком измышленного (но не озвученного) желания лирического героя услышать те же восклицания «Зима, зима!» на родном языке. Сюжетная нить устремления в родное гнездо, не реализованная в пределах поэтической линии трагического полета ястреба, возвращается к исходной текстовой диспозиции, и образ ястреба замещается образом лирического героя, который, подобно птице, желает увидеть родное гнездо, почувствовать родные запахи, услышать родные звуки. Между тем сформированная и выдержанная в ходе всего повествования параллель «ястреб // лирический герой» удваивает (приумножает) ощущение трагического финала, связанного с невозможностью свершения

замысленного — будь то замысел птицы и / или человека. «Что-то выше нас» оказывается, по мысли лирического героя Бродского, мощнее, суровее и непреодолимее.

В подобной интерпретации мало что мешает произвести подмену / замену понятия «лирический герой» на «поэт», то есть вернуться к той традиционной трактовке, которая устоялась в современном бродсковедении [Плеханова, 2001; Измайлов, 2004; Романов, 2004]. Однако позволим себе повториться и вернуться к словам близкого друга поэта Я. Гордина о том, что «Осенний крик ястреба» — это отражение высокой катастрофичности собственного («своего») пути Бродского, не только поэта, но и личности, человека, жестоко отторгнутого от родины и его близких, «брата или сестры».

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что «Осенний крик ястреба» — гениальное произведение, которое может быть интерпретировано по-разному. В тексте стихотворения можно усмотреть реализацию темы «поэт и поэзия», но можно разглядеть и мотивы ностальгической тоски, темы «потерянной родины», решенной Бродским особым образом (личностный выбор и судьба). Намеренно оставивший прошлое в прошлом и сознательно не обращающийся в стихах к теме родины, тем не менее, как показывает проведенный анализ, Бродский (вольно или невольно) утаивал (и реализовывал) болезненную для него тему в подтексте стихов, тем самым раздвигая границы возможной поэтической (и научной) трактовки, рефлексии. Трагические ноты стихотворения «Осенний крик ястреба», связанные не только с темой исключительной (по-пушкински избраннически-одинокой) судьбы поэта, но и с темой утраченной родины (кажется, нехарактерной для художника, однако, как выяснилось, близкой ему) существенно обогащают представление о личности Иосифа Бродского, поэта и человека.

Источники

1. *Бродский И. А.* Сочинения Иосифа Бродского / И. А. Бродский ; 2-е изд. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. III. — 312 с.
2. *Бродский не поэт.* Документальный фильм / реж. И. Белов. — Москва, 2015. — 100 мин. — Режим доступа : www.youtube.com.
3. *Геродот.* История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко ; ред. пер. Н. А. Мещерский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1972. — 600 с.

Литература

1. *Богданова О. В.* В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 258—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281.

2. *Богданова О. В.* Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 180—204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204.

3. *Гаспаров Б.* Смерть в воздухе (К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») / Б. Гаспаров. — В книге : Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы : очерки русской литературы / Б. Гаспаров. — Москва : Наука, 1994. — 303 с.

4. *Гордин Я. А.* В сторону Стикса. Большой некролог / Я. А. Гордин. — Москва : НЛЮ, 2005. — 226 с.

5. *Гордин Я. А.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского / Я. А. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с.

6. *Долинин А.* Воздушная могила. О некоторых подтекстах стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» / А. Долинин // Эткинские чтения — 2: сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда 2002 и 2004 гг. — Санкт-Петербург : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2005. — С. 276—288.

7. *Измайлов Р. Р.* Время и пространство в поэзии И. Бродского : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Р. Р. Измайлов. — Саратов , 2004. — 20 с.

8. *Лосев Л.* Август 2004 / Л. Лосев // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. — Санкт-Петербург : Изд-во журнала «Звезда», 2006. — Т. 2. — С. 57—74.

9. *Найман А.* 13 июля 1989, Ноттингем / А. Найман // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2006. — Т. 1. — С. 26—55.

10. *Плеханова И. И.* Преобразование трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / И. И. Плеханова. — Томск , 2001. — 40 с.

11. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников : в 2 книгах / В. Полухина. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — Книга 2. — 544 с.

12. *Ранчин А. М.* «На пиру Мнемозины» : интертексты Бродского / А. М. Ранчин. — Москва : НЛЮ, 2001. — 462 с.

13. *Романов И. А.* Лирический герой в поэзии И. Бродского : преодоление маргинальности : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. А. Романов. — Москва , 2004. — 16 с.

14. *Уодсворт У.* 19 ноября 2003, Нью-Йорк / У. Уодсворт // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. — Санкт-Петербург : Изд-во журнала «Звезда», 2006. — Т. 2. — С. 423—441.

15. *Pilshikov I.* Brodsky and Baratynsky / I. Pilshikov // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2—6 July 1992, Keele University, United Kingdom. — Rodopi, 1993. — P. 214—228.

Material resources

Brodsky, I. (1998). *The Works of Joseph Brodsky*. 2. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 440 p. (In Russ.).

Brodsky is not a poet (2015). Documentary film / dir. I. Belov. Moscow. 100 min. URL: www.youtube.com. (In Russ.).

Herodotus. (1972). *History in nine books*. Leningrad: Nauka. 600 p. (In Russ.).

References

- Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). Gospel of Joseph (I. Brodsky's poem "Gorbunov and Gorchakov"). *Nauchnyi dialog*, 12: 180—204. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204. (In Russ.).
- Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession"). *Nauchnyi dialog*, 11(2): 258—281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281. (In Russ.).
- Gasparov, B. (1994). *Literary leitmotives: essays of Russian literature*. Moscow: Nauka. 303 p. (In Russ.).
- Gordin, Ya. (2005). *Towards the Styx. Big obituary*. Moscow: UFO. 226 p. (In Russ.).
- Gordin, Ya. (2010). *Knicht and death, or Life as a plan. On the fate of Joseph Brodsky*. Moscow: Vremya. 256 p. (In Russ.).
- Dolinin, A. (2005). Air grave. Some of the implications of the poems of Joseph Brodsky "The Autumn hawk's cry". In: *Etkind's reading — 2: collection of articles in memory of E. Etkind, 2002 and 2004*. Saint-Petersburg: European University in St. Petersburg. 276—288. (In Russ.).
- Izmailov, R. (2004). *Time and space in the poetry of Joseph Brodsky: author's abstract of PhD Diss*. Saratov. 20 p. (In Russ.).
- Losev, L. (2006). August 2004. In: *Brodsky through the eyes of contemporaries*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 2: 57—74. (In Russ.).
- Naiman, A. (2006). July 13, 1989, Nottingham. In: *Brodsky through the eyes of contemporaries*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 1: 26-55. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2002). *The Transformation of the Tragic: the Metaphysical Mystery of Joseph Brodsky: author's abstract of Doct Diss*. Tomsk. 40 p. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries: in 2 books, 2. 2nd Ed*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 544 p. (In Russ.).
- Ranchin, A. (2001). "At the feast of Mnemosyne": *Brodsky's intertexts*. Moscow: UFO. 462 p. (In Russ.).
- Romanov, I. (2004). *Lyrical hero in the poetry of I. Brodsky: overcoming marginality: author's abstract of PhD Diss*. Moscow. 16 p. (In Russ.).
- Wadsworth, W. (2006). November 19, 2003, New York. In: *Brodsky through the eyes of contemporaries*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. Vol. 2. P. 423—441.
- Pilshikov I. (1993). Brodsky and Baratynsky. In: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2–6 July 1992, Keele University, United Kingdom*. Rodopi. 214—228.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.